

* * *

Там, где улица Карла Маркса упирается прямо в реку,
где шагреновой кожей съезживается земля,
всегда находится место обыкновенному человеку,
которым можешь быть ты, или он, или я.

И вот мы выходим на набережную, полную скрытых смыслов,
где время течет быстрее самого себя,
на берегах здесь царствуют молчаливые водяные крысы,
а в небе живут облака системы «воздух-земля».

На другом берегу временами гремит жестяная дорога,
вон электричка отправилась в свой недалекий путь.
Кто там в Слюдянку едет? Первокурсница-недотрога
книжку сонно листает и боится уснуть.

Называй это местом силы или площадью отчуждения,
в шесть утра особой разницы не ощутить.
Когда сидишь здесь один в свой собственный день рожденья,
кажется, что вот-вот поймешь какую-то нить.

Память ли вдруг подкинет какой-нибудь глупый случай
или вдруг неожиданно умная мысль придет.
Со стороны посмотришь – Господи, как я скучен,
а изнутри глядишь – все вроде наоборот.

Так и сидишь один, пока вокруг не проснулись,
все неотложные мысли откладываешь на потом.
По левую руку в туман погружается остров Юность,
по правую руку река теряется за мостом.

* * *

С.В.

выпростались из темени
матери лона сна
комнатные растения
мёртвые имена

аглаонема скиммия
сцилла каламондин
кливия бугенвиллия
хойя эхмея мирт

гладкие лакированные
капсулы семена
снова рождают новое
корни растут до дна

что ты стоишь, как вкопанный
смотришь в окно на снег
мятый ненужный скомканный
комнатный человек

* * *

Сквозь этот холод, космос, пустоту
растёт зерно, и вместе с ним растут
цветок и дерево, отвага и тревога,
передо мной растёт моя дорога,
и тень моя, и всякая судьба
готовит всем по росту короба.
Метёлочка метёт, а ветер носит,
и в голову уже надуло проседь...
Простая жизнь, простая как вода –
течёт, не утекает никогда.
Горит-горит холодная звезда.

* * *

Это самое... личное дело,
изучая которое, ты
никогда не дойдёшь до предела,
не достигнешь другой стороны.

Докопаясь вряд ли до сути
и не вынесешь верный вердикт
никогда, потому что, по сути,
это просто большой черновик.

Он клубится лозой винограда,
разбегается ртутной водой,
и из этого круглого ада
никому не вернуться домой.

Потому что заходит под кожу,
потому что выходит уже
через поры – отчетливей, строже
на последнем своём этаже.

* * *

каждой весной в Сибири
в промежутке между таяньем снега
и цветением первых цветов
наступает время большого танца
танцующих поездов
только представь себе
каждый ну то есть буквально каждый
от маленького ребенка до пожилого дяди
танцует в ритме собственной музыки
живущей в его в голове
личная музыка движет всеми
а некоторых даже поднимает над землей

во время большого танца
в эпоху великого танца
когда единственно верным
и внутренне необходимым
оказывается лишь танец
будто это последнее
и самое нужное
что осталось на земле

и вот каждой весной
между последней горсткой снега
и первым распутившимся цветком
в Сибири наступает это важное время
время теплого ветра
время большой свободы
и огромной любви

его трудно понять
но можно попробовать ощутить
выйдя из поезда
на перрон станции Тулун
23 апреля 2018 года
в 15 часов 13 минут

* * *

В подробных сумерках дробится,
переливается вода,

блестит, как белая страница,
тарелка стылого пруда.

Луна плывёт, как на ладони,
рифмуется сама с собой,
и кажется, что пруд бездонен,
как этот космос голубой.

Всё замерло, но сердце бьётся,
вселенной убыстряя ход,
и лес стоит, не шелохнётся,
а воду оторопь берёт.

* * *

А.К.

Там, где заканчиваются деревья
и начинается знак вопроса,
ждёт не дождётся тебя древесная келья
со стаканом медного купороса.

Наступает время припасть к земле,
прорасти в неё и держать корнями,
тут уже не замыслить тебе побег,
вернее побег твой будет в древесном плане.

Не важно, каким ты деревом станешь в лесу,
березой, осиной, лиственницей или вязом
я всё равно срублю тебя и снесу,
потому что навеки с тобой повязан.

Так и будем прыгать от берега к берегу,
в вечном круговращении пребывая.
Человек после смерти становится деревом,
а дерево человеком, зая.

* * *

1

из мягкого облака в душу пустую
на переходе в метро
я вспоминаю тебя молодую
большого мне не дано

правило жизни и правило смерти
верный единственный свет
как путешествие в тесном конверте
будто обратный билет

может когда-нибудь всё повторится
сложится скучный пасьянс
свет загорится выпорхнет птица
просто уже не для нас

2

вмятинка жизни камень простой
непробиваемый лёд
не уходи перестань постой
не доходи до ворот

оцепеневший жасминовый куст
двинуться сил не найдёт
листьев не сбросил полон и пуст
скоро придёт новый год

нет не заменят тебя не найдут
дальше придётся жить
как же тебя в самом деле зовут
имя своё скажи

* * *

взрослое животное входит в холодную воду
фыркает и плывет
жизнь его похожа на непогоду
и одновременно на самолет
вот он летит/плывёт и плывёт/летит
ветер его обнимает дождь его холодит
господи что происходит и почему всё так
господь не отвечает абонент потерял контакт
хочешь не хочешь приходится выбираться
из обстоятельств/времени/леса/тьмы
взрослое животное с животной грацией
выходит мокрое из воды

* * *

В Сибири люди с пёсьими головами
ходят по кладбищам и не дают уснуть,
мёртвые пишут коллективные письма,
жалуются на вой по ночам и какое-то
непотребное поведение.

Сами они не видели, но точно знают:
поведение непотребное.

Улицы здесь не то что не асфальтированы,
их как бы и вовсе нет.

Да и зачем здесь улицы, если такой простор:
ты просто идёшь пешком куда хочешь
или седлаешь своего медведя и едешь.
Такой простор, что слёзы наворачиваются
и хочется выть.

А тут ещё эти со своими письмами...
Задолбали.

Тут и так-то невыносимо:
вечная мерзлота, бесконечное кладбище.
Копнёшь чуток – череп татарина,
ещё немного – монгола,
а дальше всё вперемешку:
кости первопроходцев, бивни мамонтов,
останки шерстистых носорогов,
да разные допотопные гаджеты.
В общем, тоска и холод. Хочется выть.

Можно, конечно, уехать. Но никто не решается.
Старики говорят, ни один ещё не вернулся.

* * *

Уже почти вошло в привычку
не спать полночи, вот опять...
Стихи – ночная электричка:
отходит в час, приходит в пять.

И вроде бы всё как обычно –
весь день назавтра хочешь спать.
Стихи – больная электричка:
лечить, снотворное давать!

Представь, что всё это в кавычках:
чужой багаж, ручная кладь.
Стихи – пустая электричка,
но вот она слышна опять.

Стучит в висках, кричит по-птичьи,
гремит и не даёт уснуть –
моя любимая электричка,
вези меня куда-нибудь.

* * *

Это июль. Это лень и сомнения,
медленная карусель.
Через соломинку тянется время,
сладкий овсяный кисель.

Это июль. Городские окраины
спят в раскаленной пыли.
Лето на лбу выступает испариной,
что там маячит вдали?

Это июль. Это детская комната,
утренний ласковый свет,
летних каникул расстегнутый ворот,
выигрышный билет.

Это июль. Разве всё уже сказано,
разве уже решено?
Личная вечность спрессуется в камне,
время уйдет в решето.

Это июль. Невозможно прощание,
не существует разлук.
Синее небо, берег песчаный,
лето, спасательный круг.

* * *

Сфотографируй поле,
сфотографируй лес,
сфотографируй море,
волны и край небес.

Сфотографируй птицу,
сфотографируй мыс,
фотографируй лица,
сфотографируй жизнь.

Сфотографируй ночь,
небо, фонарь, аптеку,
фотографируй – это
делает тебя человеком.

Это совсем несложно,
но нереально важно.
Если это возможно,
значит увидит каждый.
Это просто и быстро,
тихо и незаметно,
будто снайпера выстрел,
делающий бессмертным.

Фотографируй ноги,
фотографируй руки,
сфотай изгиб дороги
и не умрешь от скуки.

Сфотографируй облако,
сфотографируй дерево –
ради чужого отклика,
общего одобрения.

Где твои фотографии,
что ты вообще такое?
Фотографируй, нафиг,
всё, что есть под рукою.

Сфотографируй место,
сфотографируй время –
это же интересно
для будущих поколений.

Выложи всё, что можешь,
пусть все вокруг увидят.
Ты ведь, конечно, тоже
значимый индивидуум

Это совсем несложно,
но нереально важно.
Если это возможно,
значит увидит каждый.
Это просто и быстро,
тихо и незаметно,
будто снайпера выстрел,
делающий бессмертным.

Хватит живых аналогов,
мы переходим в цифру –
так из большого в малое
сможем все поместиться.

Время всё поменять
и никогда не стариться –
сфотографируй меня...
Я тоже хочу остаться.

* * *

бабочку комара
с лёту съедает стриж
просыпаться пора
а ты всё ещё спишь

ну же открой глаза
август не станет ждать
прилетит стрекоза
сядет в твою кровать

многое не вернуть
прочее не отнять
каждый пройдёт свой путь
чтобы в конце понять

бабочка стрекоза
это такой закон
просто открой глаза
не прерывая сон

* * *

птица трогает руками
воздух вязкий как мазут
я хочу остаться с вами
но другие ждут

хищным взором обнимая
пряча пулю между строк
вдруг поймешь не надо рая
и взведешь курок

пять минут до воскресенья
десять лет до немоты
хватит пенья и терпенья
широты и долготы

для того чтобы остаться
сохраниться как
прямо в космос бы продраться
через этот мрак

* * *

Б.П.

Ещё не осветило полностью
деревню августовским солнцем,
качались на веревке простыни,
шумели за оградой сосны.

Сон отлетел, как привидение,
я вышел посмотреть на звёзды,
на их мерцание, движение,
на их сияние сквозь слёзы.

И что-то чудилось нездешнее,
что без конца и без начала,
как будто музыка небесная
в рассветном мареве звучала.

А этот свет пунцовый, истовый,
как будто сам собою созданный,
всё рос и ширился, как истина,
и наполнял окрестный воздух.

Потом залаяла собака,
проснулся сын, и мы без повода
читали «Август» Пастернака,
и не хотелось ехать в город нам.

Позавтракали, вышли из дому
и побрели до леса тихо.
Туман рассеивался исподволь,
и вспыхивала облепиха.

Мы шли вдвоём навстречу осени
сквозь время и пространство лета,
и август провожал вопросами,
не требующими ответа.

* * *

Поэзия – это во многом
простое дрожанье стекла,
не видели бога, но с богом
вся жизнь, как вода, утекла.

Не слышали музыку сфер, но..
музыка с нами была,
поэзия – это, наверно,
густое мычанье вола.

А может быть, камень Сизифа,
попробуй его закатаи,
поэзия спрятана в мифах,
она там сидит взаперти.

Как Золушка, как оборванка,
всё ждёт приглашенья на бал.
Поэзия – детская ранка,
что я до крови расчесал.